

потребности моей животной личности, и если у меня не хватит силы воли на актъ самоубійства, съ нетерпѣніемъ дожидаться, пока прекратится мое нелѣзное призрачное существованіе, которымъ меня зачѣмъ-то надѣлилъ невѣдомый злой шутникъ. Но разумное сознаніе не даетъ мнѣ сдѣлать такого вывода. Оно даетъ мнѣ другой исходъ. Этотъ исходъ есть основанная на полномъ самоотреченіи любовь къ ближнимъ, какъ выводъ изъ сознанія недостижимости моего личнаго блага при однихъ моихъ усиліяхъ. вмѣсто усилій одной эфемерной личности разумъ подѣ условіемъ отреченія отъ нея предлагаетъ мнѣ услуги цѣлаго ряда личностей. Я могу быть счастливъ, — откровенно говорить Л. Толстой, — только при такомъ міровомъ порядкѣ, при которомъ всѣ существа любили бы другихъ (и меня въ томъ числѣ) болѣе, чѣмъ самихъ себя³⁷⁾. Любовь къ ближнимъ такимъ образомъ является простымъ разсудочнымъ выводомъ. Это не высшее духовное состояніе, созидаемое нравственными усиліями христіанина подѣ воздѣйствіемъ благодати Божіей, какъ учитъ христіанство, далекой отъ всякаго разсчета житейской меркантильной морали, — это простое житейское правило благоразумнаго человѣка. Разумъ съ точностію бухгалтера высчиталъ, при какихъ условіяхъ я могу быть счастливымъ, и найдя такое простое и практическое средство, предлагаетъ мнѣ его какъ законъ нравственной дѣятельности. Животная личность не стоить любви; она не нужна мнѣ, какъ источникъ страданій и смерти. И вотъ эту-то животную личность я, какъ мнѣ не нужное, отдаю на служеніе другимъ и взамѣнъ получаю то, къ чему я тщетно стремился при однихъ моихъ эгоистическихъ условіяхъ, т. е. личное благо.

Намъ приходится отвыкать отъ нашего несчастнаго предразсудка, по которому любовь мы считали безкорыстнымъ и свободнымъ подвигомъ. Мы умилялись, слыша о подвижникахъ любви, мы привыкли удивляться тѣмъ людямъ, которые по любви къ другимъ отрекались отъ личнаго блага, и готовы были спросить, гдѣ почерпаютъ они силы для такого само-

³⁷⁾ 13 т., стр. 10 и др.